

Почему «Чайка» Чехова – комедия

Ключ к пьесе – в ее жанре. Надо быть очень циничным человеком, чтобы назвать «Чайку» комедией. Чехов таким не был. И ее зрителей он не считал безнравственными людьми. Значит, определяя жанр, Чехов хотел нас о чем-то предупредить, направить нашу мысль в определенном русле.

Сколько было постановок и споров вокруг «Чайки»! На первый взгляд сюжет ее довольно банален: молодой человек, страдающий чрезмерным самолюбием и тщеславием на фоне успешной матери, которого никто не понимает, которого предаёт любимая девушка, кончает жизнь самоубийством. Типичная трагедия! Но Чехов настаивает: КОМЕДИЯ. Значит, в сюжете заложен какой-то другой план, который не виден при беглом прочтении, и требует более внимательного взгляда.

Исходным пунктом неправильного понимания пьесы являются слова Медведенко о любви Нины Заречной и Константина Треплева, которые принимаются за чистую монету. Но ведь Медведенко говорит это Маше, а в Машу он сам влюблен, а та безответно любит Треплева. Хотя бы поэтому к его словам надо отнестись с сомнением. И потом, откуда он знает? Видел несколько раз, что они вместе гуляли? Может Костя и был в зареченской усадьбе, но местные собаки к нему не успели привыкнуть...

Я думаю, Заречная и Треплев начали изображать влюбленность недавно, после приезда Аркадиной и Тригорина, и каждый преследовал свою цель. Нина хотела побывать в усадьбе Треплева, чтобы встретиться со знаменитым писателем, рассказы которого ей очень нравились. А Треплев, как маленький ребенок ревновавший мать к театру и любовнику, думал с помощью Нины *вернуть мать себе*.

Треплев предложил Нине сыграть в его пьесе. Нина согласилась, хотя пьеса была каким-то декадентским бредом. Но Нина честно выучила текст и продекламировала у озера при луне. Она была необыкновенно прекрасна в этот момент. Романтическая обстановка, колдовское озеро, «сколько любви», - скажет потом доктор Дорн. Треплев рассчитал все верно. В Нину нельзя было не влюбиться. Думаю, все мужчины были очарованы ею, в том числе и меланхоличный Тригорин. Писатель заинтересовался Ниной, тем более, что и она стала оказывать ему знаки внимания.

Треплев готовил Нину как наживку для Тригорина. На такой ход его навел сам писатель, который очень любил ловить рыбу. Позже Треплев неосознанно выдал свой замысел: идущего с книжкой Тригорина он сравнил с Гамлетом и вспомнил его ответ на вопрос Полония: «Что читаете?» - «Слова, слова, слова». У Шекспира Полоний в тот момент *подсовывал* Гамлету Офелию, чтобы проверить его безумие. И еще отмечу, что в последнем действии Треплев упоминает Мельника-Ворона из Пушкинской «Русалки»,

который хотел за счет дочери улучшить свою жизнь. Да и в самой «Чайке» без предвзятого отношения трудно поверить в нежные чувства между Ниной и Треплевым.

Первые слова Треплева о Нине звучат комично: «Если Заречная опоздает, то, конечно, пропадет весь эффект. Пора бы уж ей быть. Отец и мачеха стерегут ее, и вырваться ей из дому так же трудно, как из тюрьмы». Из дома вырваться невероятно трудно, и в то же время она должна приехать точно к восходу луны. Фразу «Отец и мачеха стерегут ее, и вырваться ей из дому так же трудно, как из тюрьмы» в последнем действии Треплев повторит с противоположным знаком: «Отец и мачеха не хотят ее знать. Везде расставили сторожей, чтобы даже близко не допускать ее к усадьбе». Понятно, что это – штамп, рожденный в голове Треплева. Он знает, что препятствия усиливают любовь, вот и преувеличивает трудность встреч. То же самое делает и Нина.

Следующая сцена: Треплев встречается Нину.

Треплев *(прислушивается)*. Я слышу шаги... *(Обнимает дядю.)* Я без нее жить не могу... Даже звук ее шагов прекрасен... Я счастлив безумно. *(Быстро идет навстречу Нине Заречной, которая входит.)* Волшебница, мечта моя...

Нина *(взволнованно)*. Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...

Треплев *(целуя ее руки)*. Нет, нет, нет...

Нина. Весь день я беспокоилась, мне было так страшно! Я боялась, что отец не пустит меня... Но он сейчас уехал с мачехой. Красное небо, уже начинает восходить луна, и я гнала лошадь, гнала. *(Смеется.)* Но я рада. *(Крепко жмет руку Сорина.)*

Сорин *(смеется)*. Глазки, кажется, заплаканы... Ге-ге! Нехорошо!

Нина. Это так... Видите, как мне тяжело дышать. Через полчаса я уеду, надо спешить. Нельзя, нельзя, бога ради, не удерживайте. Отец не знает, что я здесь.

Треплев. В самом деле, уже пора начинать. Надо идти звать всех.

Я безумно счастлив, я без нее жить не могу, волшебница, мечта, даже звук ее шагов прекрасен, - это все представление для дяди. Нина наивно подыгрывает: я гнала лошадь, боялась опоздать, видите, как мне тяжело дышать... В одной фразе Сорина больше теплоты к Нине, чем во всех восклицаниях его племянника.

Нина и Треплев остаются одни.

Нина. Отец и его жена не пускают меня сюда. Говорят, что здесь богема... боятся, как бы я не пошла в актрисы... А меня тянет сюда, к озеру, как чайку... Мое сердце полно вами. *(Оглядывается.)*

Треплев. Мы одни.

Нина. Кажется, кто-то там...

Треплев. Никого.

Поцелуй.

Нина. Это какое дерево?

Треплев. Вяз.

Нина. Отчего оно такое темное?

Треплев. Уже вечер, темнеют все предметы. Не уезжайте рано, умоляю вас.

Нина. Нельзя.

Треплев. А если я поеду к вам, Нина? Я всю ночь буду стоять в саду и смотреть на ваше окно.

Нина. Нельзя, вас заметит сторож. Трезор еще не привык к вам и будет лаять.

Треплев. Я люблю вас.

Нина. Тсс...

Этот диалог показывает всю неискренность их чувств. Нина проговаривается о своей мечте стать актрисой (как Аркадина). Поэтому ее и тянет сюда, как чайку, покружиться, посмотреть, а может что и поймать... Не озеро интересует Нину, ведь ее усадьба находится на другом берегу этого же озера. Боясь, что Костя это поймет, она добавляет дежурную фразу: «Мое сердце полно вами» и даже позволяет один поцелуй. Треплев просит ее не уезжать рано. Ему надо увидеть реакцию мамы и Тригорина, но Нина не может остаться. Тогда он, продолжая изображать влюбленного, говорит, что поедет к ней и будет стоять всю ночь под ее окнами. Нина смеется: «Нельзя, вас увидит сторож». То, что это не порыв влюбленного сердца, а банальный штамп опять показывает повтор этой фразы в последнем действии, где Треплев говорит Нине: «Я каждый день ходил к вам по нескольку раз, стоял у вас под окном, как нищий», хотя он никуда не ходил.

Когда Треплев, топнув ножкой, остановил спектакль и убежал, он оставил Нину одну. Разве так поступает любящий человек? Хорошо, это можно объяснить чрезмерной ранимостью творческой натуры. Но почему тогда его совершенно не интересует положительное мнение доктора Дорна о его пьесе? Треплев рефлексивно в знак благодарности жмет ему руку, обнимает, но все время перебивает, настойчиво демонстрируя свое беспокойство: «Где Заречная?» Доктор говорит, что она уехала. Заметив Машу, которую на поиски сына послала Аркадина, Треплев доигрывает сцену: «Поеду за ней, мне необходимо ее видеть!». А когда Маша говорит: «Идите лучше в дом, ваша мама беспокоится», - он пускает слезу и нервно твердит: «Оставьте меня в покое, скажите матери, что я уехал». Никуда он не поехал, он уже и так продемонстрировал свою обиду и нежную любовь к Нине.

Следующая встреча Заречной и Треплева показывает, что они больше не нужны друг другу. Нина уже познакомилась с Тригориним, он даже увлекся ею. Треплев кладет к ее ногам убитую чайку и говорит, что так же убьет себя. Он помнит, что Нина называла себя чайкой. Теперь он будет демонстрировать ревность и страдания, чтобы мать почувствовала свою вину и пожалела его. Для большей убедительности он изобразит самоубийство. Как можно промахнуться, целя себе в голову?

Треплев *(входит без шляпы, с ружьем и с убитой чайкой)*. Вы одни здесь?

Нина. Одна.

Треплев кладет у ее ног чайку.

Что это значит?

Треплев. Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног.

Нина. Что с вами? *(Поднимает чайку и глядит на нее.)*

Треплев *(после паузы)*. Скоро таким же образом я убью самого себя.

Нина. Я вас не узнаю.

Треплев. Да, после того, как я перестал узнавать вас. Вы изменились ко мне, ваш взгляд холоден, мое присутствие стесняет вас.

Нина. В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю... *(Кладет чайку на скамью.)* Я слишком проста, чтобы понимать вас.

Треплев. Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощают неуспеха. Я все сжег, все до последнего клочка. Если бы вы знали, как я несчастлив! Ваше охлаждение страшно, невероятно, точно я проснулся и вижу вот, будто это озеро вдруг высохло или утекло в землю. Вы только что сказали, что вы слишком просты, чтобы понимать меня. О, что тут понимать?! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких много... *(Топнув ногой.)*

Чайка... Нина не понимает символа. Он удивлен. Ведь все так просто: она сама сравнивала себя с чайкой, вот он и убил чайку. Так же убьет и себя, - предупреждает он. Отчего-то Нина не испугалась. Он ей стал настолько безразличен? Нет, она ему просто не поверила. Она знает его склонность к позерству.

Нина не поняла символа. Но Тригорин писательским чутьем уловил в нем нечто, и у него возник сюжет для небольшого рассказа: на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как Нина; любит озеро, как чайка (Тригорин не знает, что Нина сама сравнивала себя с чайкой), счастлива и свободна; но случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил ее, как эту чайку. И этот человек – не Тригорин. Зачем ему о себе говорить плохо? И потом, он не бездельничает, он все время пишет, торопится за жизнью, ему некогда перевести дух. Это, скорее, Треплев. Он мается от своей праздности, ненужности. Мать считает, что хорошо было бы ему поступить на службу, говорит, что он скучно проводит время, и именно он подстрелил чайку...

По-настоящему, Треплев не Нину ревнует к Тригорину, а свою мать. Они из-за него ссорятся. Он старается сделать ей больно, говоря, что Тригорин плохой писатель, что он трус, бежит от дуэли, что он все время проводит с Ниной, развивает ее. Треплев ставит пьесу, чтобы показать матери, что он талантливее Тригорина, а Нина привлекательнее ее. Он хочет, чтобы мать узнала истинную цену своему любовнику и силу страдания сына, готового убить себя. Треплев всеми предыдущими словами и действиями готовит решающее объяснение с Аркадиной.

Треплев. Мама, перемени мне повязку. Ты это хорошо делаешь.

Аркадина *(достает из аптечного шкапа йодоформ и ящик с перевязочным материалом).* А доктор опоздал.

Треплев. Обещал быть к десяти, а уже полдень.

Аркадина. Садись. *(Снимает у него с головы повязку.)* Ты как в чалме. Вчера один приезжий спрашивал на кухне, какой ты национальности. А у тебя почти совсем зажило. Остались самые пустяки. *(Целует его в голову.)* А ты без меня опять не сделаешь чик-чик?

Треплев. Нет, мама. То была минута безумного отчаяния, когда я не мог владеть собою. Больше это не повторится. *(Целует ей руку.)* У тебя золотые руки. Помню, очень давно, когда ты еще служила на казенной сцене — я тогда был маленьким, — у нас во дворе была драка, сильно

побили жилицу-прачку. Помнишь? Ее подняли без чувств... ты все ходила к ней, носила лекарства, мыла в корыте ее детей. Неужели не помнишь?

Аркадина. Нет. *(Накладывает новую повязку.)*

Треплев. Две балерины жили тогда в том же доме, где мы... Ходили к тебе кофе пить...

Аркадина. Это помню.

Треплев. Богомольные они такие были.

Пауза.

В последнее время, вот в эти дни, я люблю тебя так же нежно и беззаветно, как в детстве. Кроме тебя, теперь у меня никого не осталось. Только зачем, зачем ты поддаешься влиянию этого человека?

Аркадина. Ты не понимаешь его, Константин. Это благороднейшая личность...

Треплев. Однако когда ему доложили, что я собираюсь вызвать его на дуэль, благородство не помешало ему сыграть труса. Уезжает. Позорное бегство!

Аркадина. Какой вздор! Я сама прошу его уехать отсюда.

Треплев. Благороднейшая личность! Вот мы с тобою почти ссоримся из-за него, а он теперь где-нибудь в гостиной или в саду смеется над нами... развивает Нину, старается окончательно убедить ее, что он гений.

Аркадина. Для тебя наслаждение говорить мне неприятности. Я уважаю этого человека и прошу при мне не выражаться о нем дурно.

Треплев. А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считал его гением, но прости, я лгать не умею, от его произведений мне претит.

Аркадина. Это зависть. Людям не талантливым, но с претензиями, ничего больше не остается, как порицать настоящие таланты. Нечего сказать, утешение!

Треплев *(иронически).* Настоящие таланты! *(Гневно.)* Я талантливее вас всех, коли на то пошло! *(Срывает с головы повязку.)* Вы, рутинеры, захватили первенство в искусстве и считаете законным и настоящим лишь то, что делаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите! Не признаю я вас! Не признаю ни тебя, ни его!

Аркадина. Декадент!..

Треплев. Отправляйся в свой милый театр и играй там в жалких, бездарных пьесах!

Аркадина. Никогда я не играла в таких пьесах. Оставь меня! Ты и жалкого водевиля написать не в состоянии. Киевский мещанин! Приживал!

Треплев. Скряга!

Аркадина. Оборвыш!

Треплев садится и тихо плачет.

Ничтожество! *(Пройдись в волнении.)* Не плачь. Не нужно плакать... *(Плачет.)* Не надо...

(Целует его в лоб, в щеки, в голову.) Милое мое дитя, прости... Прости свою грешную мать.

Прости меня, несчастную.

Треплев *(обнимает ее).* Если бы ты знала! Я все потерял. Она меня не любит, я уже не могу писать... пропали все надежды...

Аркадина. Не отчаивайся... Все обойдется. Он сейчас уедет, она опять тебя полюбит. *(Утирает ему слезы.)* Будет. Мы уже помирились.

Треплев *(целует ей руки).* Да, мама.

Забавно! Одни *богомольные балерины* чего стоят! Аркадина прекрасно понимает ревность сына. Но она хочет жить своей жизнью. Она подыгрывает ему, делает вид, что верит в его страдания из-за Нины Заречной, говорит, что Тригорин «сейчас уедет, она опять тебя полюбит». Любви не случилось. Нина убежала вслед за Тригориним.

С Ниной Треплев опять встречается в последнем действии, но перед этим совершенно отстраненно рассказывает о ней доктору Дорну: сошлась с Тригориным, был ребенок, умер, личная жизнь не сложилась, с театром – еще хуже: играть не умеет, «бралась она все за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завываниями, с резкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты», - будто читает газетную рецензию. Сообразив, что говорит чужими словами, быстро вворачивает, что он ездил за ней, искал встречи, но она не хотела его видеть. Однако письма писала (придумал про поездки?), письма грустные, нервные, и подписывалась – Чайка. Потом он ненароком замечает, что сейчас Нина живет на постоялом дворе, но сюда не придет, и объясняет: отец с мачехой сторожей наставили. Сам, возможно, побаивается, что может прийти, испытывает беспокойство, наигрывает меланхолические мелодии. Какой тогда будет разговор? Нина поняла свою роль в *реальной* пьесе Треплева, разгадала символ: она – Чайка. Стоит обратить внимание на то, что при встрече с Тригориным Треплев первый протягивает ему руку. Если бы Треплев действительно любил Нину, то после всего, что ему стало известно, он не стал бы мириться с Тригориным.

Так же как о своей прошлой якобы любви, Треплев рассуждает о своем творчестве, в котором потерпел фиаско. Потому что не творчество ему было нужно, а победа над Тригориным. Он неискренен в творчестве, так же как и в жизни. Он носит «железную маску», непроницаемую для всех. И читателей интересуют не его произведения, а он сам. Многие считают, что он немолод. 62-летний Сорин предлагает племяннику сюжет повести о себе «человек, который хотел»: хотел стать литератором и не стал, хотел жениться и не женился. Все это можно отнести и к самому Треплеву. Только Сорин 28 лет прослужил по судебному ведомству и вышел на пенсию действительным статским советником. Треплеву жизнь в тягость, а Сорин хочет еще пожить, на что доктор Дорн ему замечает: «По законам природы всякая жизнь должна иметь конец... Страх смерти – животный страх... Надо подавлять его. Сознательно боятся смерти только верующие в вечную жизнь, которым страшно бывает своих грехов». Интересно, что про веру Треплеву потом скажет Нина. Неслучайно здесь зашел разговор о смерти, неслучайно чуть позже возникло чучело убитой чайки...

Нина появилась в доме сразу после приезда Тригорина. Последняя встреча Нины и Треплева должна все разъяснить, в ней важно каждое слово, каждое движение. Треплев встречает Нину, она кладет ему голову на грудь и сдержанно рыдает.

Треплев (*Растроганный*). Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовал, весь день душа моя томилась ужасно. (*Снимает с нее шляпу и тальму.*) О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будем плакать, не будем.

Нина. Здесь есть кто-то.

Треплев. Никого.

Нина. Заприте двери, а то войдут.

Треплев. Никто не войдет.

Нина. Я знаю, Ирина Николаевна здесь. Заприте двери...

Треплев (*запирает правую дверь на ключ, подходит к левой*). Тут нет замка. Я заставлю креслом. (*Ставит у двери кресло.*) Не бойтесь, никто не войдет.

Треплев говорит, что сюда никто не войдет, но это неправда. Он знает, что после ужина все вернутся доигрывать в лото. Он так обрадовался, что не ведает, что говорит? Возможно. А, может, хочет, чтобы все увидели ее здесь, несчастную, потерянную, рыдающую на его груди? Или ему самому интересно посмотреть на встречу Нины и Тригорина?

Нина (*пристально глядит ему в лицо*). Дайте я посмотрю на вас. (*Оглядываясь.*) Тепло, хорошо... Здесь тогда была гостиная. Я сильно изменилась?

Треплев. Да... Вы похудели, и у вас глаза стали больше. Нина, как-то странно, что я вижу вас. Отчего вы не пускали меня к себе? Отчего вы до сих пор не приходили? Я знаю, вы здесь живете уже почти неделю... Я каждый день ходил к вам по нескольку раз, стоял у вас под окном, как нищий.

Треплев не говорит Нине комплементы, а только: похудели, глаза стали больше. Потом задает вопрос: «Отчего вы до сих пор не приходили? Я знаю, вы живете здесь уже почти неделю», ясно намекая, что ее появление связано с приездом Тригорина. Он скрывает свое равнодушие старой банальной фразой, которую уже говорил Нине: я стоял под вашими окнами. Нине неприятно, но она ему подыгрывает, сознательно или нет, сама намекает о Тригорине. Она цитирует Тургенева, с которым Треплев некогда сравнивал Тригорина.

Нина. Я боялась, что вы меня ненавидите. Мне каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! С самого приезда я все ходила тут... около озера. Около вашего дома была много раз и не решалась войти. Давайте сядем.

Сядем и будем говорить, говорить. Хорошо здесь, тепло, уютно... Слышите — ветер? У Тургенева есть место: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый угол». Я — чайка... Нет, не то. (*Трет себе лоб.*) О чем я? Да... Тургенев... «И да поможет господь всем бесприютным скитальцам...» Ничего. (*Рыдает.*)

Треплев. Нина, вы опять... Нина!

Нина. Ничего, мне легче от этого... Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в сад, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, и у меня отлегло, стало яснее на душе. Видите, я уже не плачу. (*Берет его за руку.*) Итак, вы стали уже писателем... Вы писатель, я — актриса... Попали и мы с вами в круговорот... Жила я радостно, по-детски — проснешься утром и запоешь; любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь!

Треплев. Зачем в Елец?

Нина. Взяла ангажемент на всю зиму. Пора ехать.

Треплев. Нина, я проклинал вас, ненавидел, рвал ваши письма и фотографии, но каждую минуту я сознавал, что душа моя привязана к вам навеки. Разлюбить вас я не в силах, Нина. С тех пор как я потерял вас и как начал печататься, жизнь для меня невыносима, — я страдаю... Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на свете девяносто лет. Я зову вас, целую

землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне в лучшие годы моей жизни...

Нина (*растерянно*). Зачем он так говорит, зачем он так говорит?

Треплев. Я одинок, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и, что бы я ни писал, все это сухо, черство, мрачно. Оставайтесь здесь, Нина, умоляю вас, или позвольте мне уехать с вами!

Нине Треплев говорит, что рвал ее письма, а час назад доктору Дорну рассказывал, что в ее письмах звучит натянутый нерв, и подписывалась она Чайка. Значит, он опять ее обманывает? Как верить ему? Тем более, что он снова произносит банальные пошлые фразы: моя душа привязана к вам навеки, жизнь невыносима, я страдаю, я целую землю, по которой вы ходили, всюду вижу вашу улыбку которая светила мне в лучшие годы моей жизни и т.п. Он так и не повзрослел. Куда он поедет за ней, зачем? Жалуется, что одинок, не согрет ничьей привязанностью. А мать, дядя, Маша? Нина не хочет уже это слушать.

Нина быстро надевает шляпу и тальму.

Треплев. Нина, зачем? Бога ради, Нина... (*Смотрит, как она одевается.*)

Пауза.

Нина. Лошади мои стоят у калитки. Не провожайте, я сама дойду... (*Сквозь слезы.*) Дайте воды...

Треплев (*дает ей напиток*). Вы куда теперь?

Нина. В город.

Треплев говорит Нине о безумной страсти и спокойно дает ей уехать, смотрит, как она одевается, не вырывает из ее рук пальто. Нина ждет – *пауза* – просит: дайте воды. Ее ход не удался; пока она пьет, она думает, как вести себя дальше. Она задает вопрос: «Ирина Николаевна здесь?», хотя как только вошла она об этом знала: «Я знаю, Ирина Николаевна здесь. Заприте двери...». Она спрашивает про Аркадину, чтобы перейти к Тригोरину. И уж здесь – отомстить Треплеву, показать его ничтожество и свою силу. Три раза Нина говорит «Я – чайка... Нет, не то». Она как бы сбрасывает с себя навязанный образ, борется с собой. Она уже – не Чайка, а Актриса и теперь сыграет свою роль перед Треплевым, она не будет жалеть этого бесчувственного позера.

Нина. Ирина Николаевна здесь?

Треплев. Да... В четверг дяде было нехорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она приехала.

Нина. Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить.

(*Склоняется к столу.*) Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! (*Поднимает голову.*) Я — чайка... Не то. Я — актриса. Ну да!

Она больше не игрушка в чужих руках, не чучело, которое Треплев поставил в свой шкаф. Она живой человек, она любит Тригорина несмотря ни на что! Правда это или нет, не имеет значения. Нина словами о своей любви к Тригोरину мстит Треплеву.

Нина. (*Услышав смех Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потом бежит к левой двери и смотрит в замочную скважину.*) И он здесь... (*Возвращаясь к Треплеву.*) Ну да... Ничего... Да...

Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа... Это не то... *(Трет себе лоб.)* О чем я?... Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни.

Треплев *(печально)*. Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание.

Нина *(прислушиваясь)*. Тсс... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... *(Жмет ему руку.)* Уже поздно. Я еле на ногах стою... я истощена, мне хочется есть...

Треплев. Оставайтесь, я дам вам поужинать...

Нина. Нет, нет... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства, — чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните?... *(Читает.)*

«Люди, львы, орлы и куропатки,
рогатые олени, гуси, пауки,
молчаливые рыбы, обитавшие в воде,
морские звезды, и те,
которых нельзя было видеть глазом, —
словом, все жизни, все жизни, все жизни,
свершив печальный круг, угасли.

Уже тысячи веков, как земля
не носит на себе ни одного живого существа,
и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь.
На лугу уже не просыпаются с криком журавли,
и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах...»

(Обнимает порывисто Треплева и убегает в стеклянную дверь.)

Нина напомнила Треплеву его пьесу. От нечего делать он чуть не погубил ее жизнь. Но она не захотела оставаться мертвой чайкой, она живая, она страдает, любит, верит... Она говорит Треплеву: «Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня». Есть ли вера в себя у Треплева, остались ли силы изменить свою жизнь? Нина через трудности, страдания повзрослела. А Треплев? Он медленно рвет все свои рукописи и

уходит, открывая ключом правую дверь. Он говорит: «Нехорошо, если кто-нибудь встретит Нину в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму». Мама и так знает про Заречную, недаром она сама ездила на станцию встречать Тригорина. Треплев не изменился... Может огорчить маму... И в его голове всплыло воспоминание о мнимом самоубийстве.

Дорн с трудом открывает левую дверь, отодвигая кресло. Все после ужина возвращаются доигрывать в лото.

Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда, на стол. Мы будем играть и пить. Давайте садиться, господа.

Полина Андреевна (*Якову*). Сейчас же подавай и чай. (*Зажигает свечи, садится за ломберный стол.*)

Шамраев (*подводит Тригорина к шкапу*). Вот вещь, о которой я давеча говорил... (*Достает из шкапа чучело чайки.*) Ваш заказ.

Тригорин (*глядя на чайку*). Не помню! (*Подумав.*) Не помню!

Направо за сценой выстрел; все вздрагивают.

Аркадина (*испуганно*). Что такое?

Дорн. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (*Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается.*) Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. (*Напевает.*) «Я вновь пред тобою стою очарован...»

Аркадина (*садясь за стол*). Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как... (*Закрывает лицо руками.*) Даже в глазах потемнело...

Дорн (*перелистывая журнал, Тригорину*). Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... (*берет Тригорина за талию и отводит к рампе*) так как я очень интересуюсь этим вопросом... (*Тонем ниже, вполголоса.*) Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...

«Это может огорчить маму», - последние слова Треплева в пьесе. А самоубийство не может огорчить маму? Похоже, это снова инсценировка, очередной спектакль? Доктор разводит руками: Константин Гаврилович опять застрелился.

Я бы конец пьесы оставила открытым, тем более, что Чехов ставит многоточие. Нет утверждения: «Треплев застрелился» и точка. Учитывая, что Чехов в пьесе не раз использует прием повторения, заикливания фраз, действий, можно предположить, что Треплев и на этот раз промазал. Вспомним, после первой попытки самоубийства Маша сказала: «Если бы он ранил себя серьезно, то я не стала бы жить ни одной минуты». Но фраза звучала бы естественнее так: «если бы он убил себя...». Этим Чехов, возможно, дает понять, что и на этот раз Треплев только ранил себя. И доктор Дорн напевает романс, в котором звучат слова: «я вновь пред тобою стою». Аркадину нужно увести, чтобы она не переживала. Разберутся, окажут помощь ее сыну и все ей расскажут. Тогда – это комедия.

Комедия – потому что взрослый мужчина одержим одной идеей: получить любовь и внимание своей матери, как маленький ребенок он без нее жить не может. Недаром

последнее действие начинается жалостливой просьбой Медведенко к Маше: «Поедем домой. Наш ребеночек небось голоден. Уже третью ночь без матери». На что Маша отвечает: «Пустяки. Его Матрена покормит». Она так говорит о младенце, которому нет и года. А Треплев – великовозрастный ребенок, который не может обойтись без матери и все время выдумывает, как бы сделать так, чтобы она обратила на него внимание. Комплекс у Треплева развивался с детства. Об этом он говорил дяде.

Треплев. Жаль, что у меня мать известная актриса, и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я был бы счастливее. Дядя, что может быть отчаяннее и глупее положения: бывало, у нее сидят в гостях сплошь всё знаменитости, артисты и писатели, и между ними только один я — ничто, и меня терпят только потому, что я ее сын. Кто я? Что я?... когда, бывало, в ее гостиной все эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое внимание, то мне казалось, что своими взглядами они изморяли мое ничтожество, — я угадывал их мысли и страдал от унижения.

Треплев тщеславен и самолюбив, при этом ленив и склонен к позерству. Он топает ногами, плачет, как избалованный маленький мальчик. Он изображает из себя декадента, писателя. Но у него нет таланта, а только – дурной характер, так считает его мать. Аркадина к нему относится снисходительно, где возможно – не обращает внимания, где надо – подыгрывает ему, отшучивается, изображает непонимание. Но она его любит. А ему мало. Он считает, что может учить мать жизни, наставлять на путь истинный. Аркадина понимает этот Гамлетовский запал. Перед пьесой она продекламировала: «Мой сын! Ты очи обратил мне внутрь души, и я увидела ее в таких кровавых, в таких смертельных язвах – нет спасенья!». Она не знает, о чем пьеса сына, но подстраховалась... Как известно, это ответ Гертруды на слова Гамлета, что ее нынешний муж виновен в гибели отца, и что она должна вести целомудренную жизнь. Треплев капризен и любит глупые эффекты. Он говорит банальными фразами и постоянно актерствует. Ведь он сын двух актеров. Его отец – киевский мещанин Гаврила Треплев – тоже выступал на сцене. Фамилия говорит сама за себя. Аркадина не захотела ее оставить, взяла псевдоним.

Почему-то существует мнение что Треплев – очень талантлив, а Тригорин – классически скучен, Треплев – художник, а Тригорин – мещанин, Треплев – новатор, а Тригорин – ретроград. На чем оно основано? На том, что Треплев кричит: «Я талантливее всех вас»? Да, он хочет удивить всех, пыжится народить новые формы в театре, ставит спектакль без декораций и в тоже время для полной реалистичности пускает серу при появлении дьявола. Аркадина, чувствуя диссонанс, спрашивает: «Так должно быть?» Она понимает глупость и примитивность пьесы, где вечная душа должна через миллионы лет победить вечную материю. Вечность ограниченная миллионами лет... Ей стыдно за сына, она пытается шуткой прекратить этот позор. Треплев обиделся. Он все время обижается, как ребенок, топает ножкой, плачет.

В творчестве не всегда новое лучше старого. Чехов отдает предпочтение Тригорину, а не Треплеву. Их фамилии говорят сами за себя: Треплев – от слова «трепаться», Тригорин – созвучен Тригорскому, где творил Пушкин. У Тригорина слова льются свободно, просто, естественно. Он наблюдает жизнь, пытается чувствовать за своих персонажей. Вот и Нине

он говорит, что хочет ощутить себя юной девушкой, чтобы правдивее передать ее образ, а Треплев чувствует себя 90-летним стариком и при этом претендует на новые формы. Он скрыт от читателей, как *Железная маска*, Тригорин же с первых творческих шагов открыт и пытается понравиться всем. Тригорин укоряет себя за то, что хорошо знает и чувствует только природу, а нужно поднимать и социальные вопросы: «Если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и прочее». Треплева это вообще не волнует. Тригорин постоянно работает, он не может не писать.

Тригорин. День и ночь одолевает меня одна неотвязчивая мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу. ... Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу; тут бы и отдохнуть, забыться, ан — нет, в голове уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать. И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то в пространство, я обираю пыль с лучших своих цветов, рву самые цветы и топчу их корни.

А Треплев изображает из себя писателя, играет писателя. В доме он занял большую гостиную, чтобы все наблюдали за его творческим процессом. Треплев снисходительно оценивает Тригорина, считает, что он должен уйти с литературной сцены и дать место молодым дарованиям. Тригорин же говорит, что всем места хватит, и новым, и старым, зачем толкаться. Писательские приемы Тригорина похожи на Чеховские, вспомним: «У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова». Треплеву нужно учиться у Тригорина, как молодые писатели учились у Чехова, а не отвергать его. Ведь Нина Заречная, мечтающая стать актрисой, подражает манерами, внешностью Аркадиной. Она старается быть на нее похожей. Некоторое время у них был даже один и тот же любовник. Аркадина знала про интрижку Тригорина, но была уверена, что никуда он от нее не денется. Известность, деньги, удобства для творчества. Аркадина не только замечательная актриса, она по-житейски умная женщина. Возможно, Нина со временем станет такой же. Она уже поняла: чтобы добиться своей цели, надо много работать, терпеть и верить. А Треплев так и не повзрослел, он остался *человеком, который хотел*.